

*Ошибаться свойственно людям,
мурлыкать — кошкам.*

Роберт Берн, писатель



ПРОЛОГ

О, прекрасно, вы наконец-то здесь, хотя вам потребовалось для этого время! Полагаю, вы на меня не обиделись за эти слова? Итак, дорогой читатель, у меня есть для вас послание. Не самое обычное послание и не от самого обычного человека. Кроме того, оно связано с вашим истинным личным счастьем.

Вам не придется поворачиваться, чтобы увидеть, кто стоит за вами. Не придется смотреть по сторонам. Это послание только для *вас*.

Не все в мире прочтут эти слова — лишь очень малая часть. И не считайте, что вы читаете их в этот конкретный момент вашей жизни волей случая. Только люди, обладающие определенной кармой, прочтут то, что я собираюсь сказать. Эта книга для читателей, у которых сложилась особая связь со мной.

Или, лучше сказать, для *нас*?

Итак, я — кошка Далай-ламы, и я передам вам послание не от кого-нибудь, а от самого Его Святейшества. Как я осмеливаюсь говорить подобное? Я совсем разума лишилась? Если вы позволите мне свернуться клубочком на ваших метафорических коленях, я объясню.

В какой-то момент практически каждый любитель кошек сталкивается с дилеммой. Как сообщить любимице, что вы уезжаете? И не просто на выходные.

То, как люди сообщают известие о своем длительном отсутствии, очень важно для кошек. Некоторые из нас любят узнавать обо всем заранее, чтобы мысленно подготовиться к изменению жизни. Другие предпочитают, чтобы известие сваливалось им на голову, как злая сорока в сезон гнездования: к тому времени, когда осознаешь, что должно произойти, все уже случается.

Интересно, что наш персонал обладает неким врожденным чувством и ведет себя соответственно. Одни люди начинают ворковать со своей кисой за несколько недель до отъезда, другие вытаскивают устрашающую переноску из кладовки без уведомления.

Так получилось, что я оказалась одной из самых счастливых кошек мира. Когда Далай-лама путешествует, жизнь в Намгьяле практически не меняется. Я по-прежнему каждый день провожу какое-то время на подоконнике в его кабинете на первом этаже. Оттуда я могу наблюдать за всем, что происходит, не прилагая особых усилий. Большую часть времени я провожу в кабинете помощников Его Святейшества, а потом совершаю небольшую традиционную прогулку по окрестностям нашего дома и обязательно заглядываю в Гималайское книжное кафе, где меня ждут всякие лакомства.

И все же, когда Его Святейшество уезжает, жизнь меняется. Как описать, каково это — находиться рядом с Далай-ламой? Очень просто: это нечто невероятное! Как только он входит в комнату, его энергия сердечного

счастья касается всех. Что бы ни происходило в жизни, с какой бы трагедией и утратой ни столкнулся человек, когда он находится рядом с Его Святейшеством, его охватывает непередаваемое ощущение счастья.

Если вы не испытывали этого раньше, то может показаться, что вы пробудили в себе некое измерение, которое всегда жило в вашей душе, но, как подземная река, оставалось незамеченным. Воссоединившись с этим источником, вы испытываете глубокий покой и ощущение полного благополучия. И в этот момент можно даже уловить всплеск собственного сознания — сияющего, бескрайнего и наполненного любовью.

Далай-лама видит нас такими, какие мы есть на самом деле, и проявляет в нас нашу истинную натуру. Вот почему многие люди просто тают в его присутствии. Я видела, как важные мужчины в темных костюмах плакали только потому, что он коснулся их рук. Лидеры главных мировых религий выстраивались в очередь, чтобы встретиться с ним, а потом вставали в очередь снова, чтобы еще раз прикоснуться к нему. Я видела, как люди в инвалидных креслах утирали слезы радости, когда он замечал их в толпе и подходил, чтобы пожать им руку. Его Святейшество напоминает нам о том, какими мы должны быть, будит наши лучшие качества. Это ли не величайший дар?

Итак, вы, дорогой читатель, должны понять, что, хотя во время путешествий Далай-ламы я продолжала наслаждаться комфортной и приятной жизнью, все же мне гораздо больше нравилось, когда он был дома. Его Святейшество это знает. Он понимает, что я — кошка, которой нравится заранее знать, что он уезжает. Если кто-то из его помощников — юный Чогьял,

монах, занимающийся монашескими проблемами, или Тенцин, опытный дипломат, на плечах которого лежит решение всех светских проблем — приносит ему письмо с просьбой о приезде, он смотрит в потолок и произносит нечто вроде: «Два дня в Нью-Дели в конце следующей недели».

Они думают, что Далай-лама подтверждает необходимость поездки. Но в действительности он говорит это специально для меня.

Перед более длительными поездками он напоминает мне о своем отъезде, визуализируя количество ночей своего отсутствия. А накануне отъезда он всегда уделяет мне время, которое мы проводим наедине, только он и я. И в эти минуты между нами происходит нечто особенное, что возможно только между кошками и их компаньонами-людьми.

Итак, мы вернулись к посланию, которое просил меня передать вам Его Святейшество. Он сказал об этом вечером, накануне отъезда в семинедельную просветительскую поездку в Соединенные Штаты и Европу — нам предстояло самое долгое расставание в моей жизни. Сумерки опустились на долину Кангра. Он поднялся из-за стола, подошел к подоконнику, где лежала я, и опустился рядом со мной на колени.

— Завтра я уезжаю, мой маленький Снежный Барс, — сказал он, заглянув в мои синие глаза, как всегда это делал в важные моменты. Мне очень нравилось это имя, ведь тибетцы считают снежных барсов небесными созданиями, символизирующими красоту, бесстрашие и жизнерадостность. — Семь недель — это дольше, чем я обычно отсутствовал. Я знаю, ты

бы предпочла, чтобы я остался дома, но другие тоже во мне нуждаются.

Я поднялась на лапы, как следует потянулась и широко зевнула.

— Какой славный розовый ротик, — с улыбкой произнес Его Святейшество. — Рад видеть, что зубы и десны у тебя в полном порядке.

Подойдя ближе, я любовно боднула его головой.

— Ну и смешная же ты! — воскликнул он. Мы стояли так, лбом ко лбу, и он нежно поглаживал мою шею. — Я буду в отъезде, но твое счастье не должно зависеть от моего присутствия. Ты все равно можешь быть счастливой.

Он почесал меня за ушами — мне это всегда нравилось.

— Может быть, ты думаешь, что твое счастье зависит от меня? Или от того, чем тебя угощают в кафе? — Его Святейшество не питал иллюзий, почему я так часто бываю в Гималайском книжном кафе. — Но за следующие семь недель постарайся понять, в чем *истинная* причина счастья. А когда я вернусь, ты расскажешь мне о своих открытиях.

Далай-лама осторожно, с большой любовью взял меня на руки и встал у открытого окна, любуясь долиной Кангра. Вид был потрясающий: зеленая долина причудливой формы, склоны, поросшие вечнозелеными деревьями. Вдали виднелись ледяные вершины Гималаев, сверкавшие в лучах заката. Легкий ветерок донес до нас ароматы сосны, рододендрона и дуба. Воздух был напоен волшебством.

— Я расскажу тебе о настоящем счастье, — шепнул Далай-лама мне на ухо. — Это будет особое послание

только для тебя — и для тех, с кем у тебя установилась кармическая связь.

Я замурлыкала, и мое мурлыканье скоро превратилось в ровный горловой звук, похожий на звук работающего мотора.

— Да, да, мой маленький Снежный Барс, — сказал Далай-лама. — Мне бы хотелось, чтобы ты изучила искусство мурлыканья.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Дорогой читатель, вы никогда не поражались тому, что, казалось бы, самое тривиальное решение порой ведет к судьбоносным событиям? Вы делаете самый заурядный, повседневный выбор, а результаты его оказываются непредвиденно драматичными.

Именно это и произошло со мной в понедельник. Я решила вернуться домой из Гималайского книжного кафе не короткой дорогой, а так называемой «живописной тропой». Я редко хожу по ней и причина проста: на самом деле она не слишком-то живописна, да и тропой ее назвать сложно. Это, скорее, обычный переулочек за Гималайским книжным кафе и соседними постройками.

Зато это более длинный путь. Я знала, что до Намгьяла доберусь не за пять минут, а за десять. Но весь день я дремала на журнальной полке в кафе, и теперь мне хотелось размять лапы.

Поэтому, выйдя из кафе, я повернула не направо, а налево. Пройдя мимо боковой двери кафе, я снова свернула налево и пошла по узкому переулочку, где стояли мусорные баки с объедками с кухни. Запахи здесь

стояли одуряющие. Я шагала вперед слегка шаткой походкой — задние лапы у меня слабоваты с детства. У задних ворот кафе я остановилась возле необычного серебристо-коричневого предмета и принялась, но это оказалась обычная пробка от шампанского, которая каким-то образом застряла в решетке.

Собираясь еще раз повернуть направо, я почувствовала приближение опасности: примерно в 20 ярдах от меня, на главной улице, застыла пара огромных собак весьма зловещего вида. Раньше я их здесь не видела. Теперь же они стояли, раздувая ноздри, а ветер трепал их длинную шерсть.

А хуже всего было то, что собаки находились без поводков.

Теперь я понимаю, что мне следовало вернуться в переулок и через задние ворота возвратиться в кафе, где я оказалась бы в полной безопасности. Решетка ворот была вполне комфортной для меня, но слишком узкой для этих монстров. Пока я гадала, заметят ли они меня, собаки увидели мой силуэт и сразу же бросились в погоню. Инстинкт взял свое. Я резко свернула вправо и понеслась со всей скоростью, какую могла из себя выжать. Сердце выскакивало из груди, шерсть встала дыбом. Я неслась, отчаянно высматривая убежище. В такие редкие «адреналиновые» моменты я чувствовала, что способна на все — хоть залезть на самое высокое дерево, хоть протиснуться в самую узкую щель.

Но выхода не было. Я не видела, где можно укрыться. Зловещий лай собак становился все громче. Они приближались. Мной овладела паника. Бежать было некуда, и я влетела в магазинчик специй, надеясь, что там мож-

но будет куда-то забиться. А потом собаки, надеюсь, потеряют мой след.

В крохотном магазинчике стояли деревянные сундуки, а на них — медные чаши со специями. Когда я ворвалась в лавку, женщины, которые толкли специи в ступках, взвизгнули от страха. Я пронеслась у них под ногами, за моей спиной оглушительно лаяли собаки, взявшие след и не собиравшиеся упускать добычу.

Я слышала звон металла — миски со специями упали на каменный пол. В воздух взметнулось ароматное облако. Я промчалась через весь магазин в поисках достаточно высокой полки, но наткнулась лишь на плотно закрытую дверь. Между двумя сундуками я заметила щель, куда сумела втиснуться. За сундуками вместо стены оказался лишь порванный лист пластика, а дальше — пустынный переулок.

Собаки уткнулись носами в щель между сундуками и продолжали лаять. Преодолев свой страх, я выглянула на улицу: переулок вел в тупик. Единственный выход — бежать назад на дорогу. В магазинчике раздавались возмущенные крики — сердитые женщины гоняли собак. Моя обычно белоснежная шубка была покрыта специями всех цветов и оттенков. Я осторожно пробралась на дорогу и бросилась бежать со всех ног. Дорога шла вверх, почти незаметно, но все же вверх. Хотя я мчалась изо всех сил, сил этих у меня почти не осталось. Стремясь убежать как можно дальше от собак, я продолжала искать себе убежище. Но меня окружали только витрины, бетонные стены и глухие металлические ворота.

За спиной раздавался лай и сердитые крики женщин из лавки специй. Я оглянулась и увидела, что женщины выгоняют собак из магазинчика, хлеща их по бокам.

Собаки, вывалив языки, побрели вдоль магазина, а я по-неслась вверх по холму, надеясь затеряться среди пешеходов и машин.

Но моим надеждам не суждено было оправдаться.

Два монстра мгновенно учуяли мой запах и снова стали преследовать меня. Их злое ворчание повергло меня в ужас.

Я выиграла расстояние, но недостаточно. Было понятно, что собаки вот-вот догонят меня. Я бежала мимо дома, окруженного высокими белыми стенами. На одной стене, возле черных кованых ворот, я заметила деревянную решетку. Никогда прежде я не сделала бы такого, но в тот момент выхода у меня не было. Через секунду собаки разорвут меня. Я прыгнула на решетку и стала карабкаться наверх со всей скоростью, на какую только были способны мои пушистые серые лапки. Было тяжело, но я лезла вверх и вверх.

Когда собаки подбежали к стене, я уже была высоко. С громким лаем они стали бросаться на стену. Посыпалась штукатурка, и решетка отошла от стены. Если бы я все еще находилась на ней, то свалилась бы прямо в пасти злоеущих псов.

Но я стояла на стене и смотрела на их острые зубы и налитые кровью глаза. Мне казалось, что я заглянула в лицо адским тварям.

Лай и рычание продолжались довольно долго, а потом псы отвлеклись на другую собаку, которая что-то лизала на тротуаре чуть в стороне. Они бросились к ней, но тут их остановил высокий мужчина в твидовом пиджаке. Он схватил их за ошейники и пристегнул к поводкам. И когда он склонился над монстрами, я услышала, как прохожий сказал:

— Какие красивые лабрадоры!

— Золотистые ретриверы, — поправил прохожего мужчина. — Молодые и энергичные, но, — с этими словами он любовно потрепал их по ушам, — прекрасные животные.



Прекрасные животные? Похоже, мир сошел с ума! Прошло немало времени, прежде чем мое сердце успокоилось. И только тогда мне стало ясно, в каком положении я оказалась. Оглядевшись вокруг, я не заметила ни удобной ветки, ни решетки, по которым можно было бы спуститься. С одной стороны стены, на которой я оказалась, были ворота, а с другой — настоящий обрыв. Я собиралась облизать лапу и умыть мордочку — моя шерсть все еще была в специях. И тут до меня донесся такой едкий запах, что я мгновенно остановилась. Достаточно было лишь раз лизнуть «приправленную» шерстку, и мой язык вспыхнет огнем. Я точно знала это! Что же делать? Я оказалась на высокой стене в незнакомом месте и не могла даже вылизать себя!

Пришлось оставаться на месте и ждать, когда меня кто-то выручит. После всех моих злоключений сад за стеной казался воплощением безмятежности — истинный край Будды, о котором говорили монахи. За деревьями я увидела большой, величественный дом, окруженный зелеными газонами и клумбами с яркими цветами. Так захотелось спуститься в этот сад и пробраться на веранду — это место мне нравилось. А если